

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА «ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВА» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Аннотация. В статье дается критический обзор существующих в международном научном и экспертном сообществе подходов к пониманию феномена де-факто государств на постсоветском пространстве. Выделяются политические и нормативные контексты, в которых возникали те или иные концепты, а также анализируются перспективы развития данного направления исследований.

Ключевые слова: де-факто государства, демократизация, безопасность, международное признание, вовлечение

Keywords: *de facto states, democratization, security, international recognition, engagement*

Вступление международных отношений в эпоху пост-Вестфалья означает, что при анализе их уже нельзя редуцировать до межгосударственных. В мировой политике существуют и другие акторы, которые могут оказывать существенное влияние на структуру мирового порядка, даже находясь формально на его периферии. Де-факто государства относятся к такого рода акторам. Они возникают в контексте различных ситуаций, но, как правило, в результате крупных изменений, таких как распад Советского Союза.

Данная статья посвящена вопросу о том, как международное академическое и экспертное сообщество в научно-исследовательском смысле отреагировало на появление этого международно-политического феномена. Предмет для такого исследования уже очерчен: в пространстве изучения де-факто государств имеются различные подходы; присутствуют также как исследования, основанные, скорее, на качественном анализе, так и строго количественные исследования. Сам термин, определяющий изучаемый феномен, долгое время был неустойчивым: употреблялись такие понятия, как «непризнанные государства», «квазигосударства», «фантомные государства», «самопровозглашенные государства» и т. д. Но в последние годы исследователи сошлись на термине «де-факто государства», которым и обозначают сегодня образования, которые имеют

Андрей Владимирович Девятков, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — Молдова и Приднестровье в международных отношениях, российская внешняя политика, сецессия и непризнанные государства. E-mail: meisterandrei@yandex.ru.

Ван Самвелович Арутюнян, студент-магистр в области международных отношений. Сфера научных интересов — замороженные конфликты, сецессия, Армения и Нагорный Карабах. E-mail: van_80@mail.ru.

Инееса Юрьевна Мостовских, студент-бакалавр в области международных отношений. Сфера научных интересов — Германия, Европейский союз, проблемы международного терроризма и ядерного нераспространения. E-mail: fantina08@mail.ru.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01201.

все признаки внутреннего суверенитета (формальные институты власти, политические процессы, легитимность и т. д.), но не обладают внешним суверенитетом, т. е. не признаны всем или большей частью международного сообщества. То есть постепенно сложились система понятий, общий язык, на котором говорит большая часть исследователей.

Историографическое исследование подобного рода крайне необходимо на данном этапе, так как исследовательское сообщество было занято до сих пор продуцированием различного рода теоретического и эмпирического знания о де-факто государствах и меньше задумывалось о том, с каких позиций оно это делает. В данной статье мы исходим из предпосылки, что изучение де-факто государств на постсоветском пространстве, как и многих других вопросов, вписано в определенную политическую динамику, определенные нормативные контексты и ожидания. То есть на данный момент исследователям де-факто государств необходим, прежде всего, самоанализ на предмет пределов предпринимаемых исследований.

Расширение ЕС и столкновение с де-факто государствами

Серьезный интерес к де-факто государствам появился после «восточного расширения» ЕС 2004 г., когда в зоне европейского соседства оказались страны с неразрешенными сепаратистскими конфликтами — Грузия, Азербайджан и Молдова. Ситуация усугублялась тем, что кипрский конфликт, несмотря на масштабные усилия ООН и ЕС, так и не был разрешен и в ЕС вошло государство, не контролирующее фактически часть формально принадлежащей ему территории.

Восприятие непризнанных образований — Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха — сложилось стихийно на основе имеющегося в рамках трансатлантического дискурса тезиса о суверенизации постсоветских республик. Международное сообщество, в лице прежде всего США и ЕС, основными своими контрагентами считали признанные государства, образовавшиеся на месте бывшего СССР, а возникшие непризнанные образования воспринимались в качестве препятствия для становления этих государств, их развития и демократизации. Кроме того, они рассматривались как продукт «замороженных конфликтов», в которых основным актором считались даже не местные элиты, а внешние державы, прежде всего Россия¹. (Нео)имперская политика Москвы признавалась в качестве движущего фактора существования де-факто государств, а они сами воспринимались скорее как «серая зона», источник угроз, контрабанды и непредсказуемости.

Так, один из ведущих экспертов по постсоветскому пространству Д. Линч писал, что де-факто государства базируются на страхе и отсутствии безопасности, и элиты этих образований заинтересованы в их продуцировании, так как изначально были созданы благодаря войне. Поэтому Линч был склонен называть их государствами-рэкетирами². А работающий в рамках этой же системы идей Н. Попеску отказывал непризнанным образованиям в демократичности, считая, что комплекс «осажденной крепости» мешает тамошним политическим процессам двигаться в сторону внутренних реформ и демократизации³. Эксперт предупреждал о тенденции фактической инкорпорации Рос-

¹ Devyatkov A. Frozen conflicts as a subject of European security dialogue // Security Index: Russian Journal on Security. 2010. № 4 (95). P. 177–180.

² Lynch D. De facto 'States' around the Black Sea: The Importance of Fear // Southeast European and Black Sea Studies. 2007. Vol. 7. № 3. September. P. 483–496.

³ Popescu N. Democracy in Secessionism: Transnistria and Abkhazia's Domestic Policies. Open Society Institute, 2006.

сией непризнанных образований в контексте политики Москвы по реинтеграции постсоветского пространства¹. Кроме того, де-факто государства рассматривались в этом контексте как неустойчивые образования, судьба которых крайне неопределенна. Так, норвежский исследователь П. Колсто писал в 2006 г., что «квазигосударства» (как он называл тогда непризнанные образования) обладают лишь слабой экономикой и слабыми государственными институтами и выстраивают благодаря таким факторам, как пропаганда и спонсируемые местными элитами проекты идентичности, милитаризация, поддержка сильного патрона и слабость того государства, от которого они отсоединились. Наилучшим исходом для «квазигосударств» Колсто считал их присоединение к «материнскому государству» на правах субъекта федерации².

При этом европейский контекст накладывал на исследователей свой отпечаток. В контексте формирования Европейской внешней политики и политики безопасности (CFSP) в 2002–2004 гг. европейские элиты, в том числе интеллектуальные, определяли «замороженные конфликты» как естественные точки приложения усилий для общеевропейской внешней политики. Именно в этом контексте можно рассматривать появление одной из первых комплексных монографий под названием «Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии», в которой разрабатывается концепт европеизации «замороженных конфликтов» благодаря вовлечению конфликтующих сторон в общеевропейские институты безопасности и развития³. По сути, этот концепт был продолжением идеи Большой Европы, которая была разработана в рамках знаменитого доклада Европейской комиссии и получила интеллектуальную поддержку в CEPS — брюссельском «мозговом центре», который и собрал во многом коллектив авторов упомянутой монографии. Однако этот концепт, как и идея Большой Европы, очень быстро показал свою слабую применимость: так, например, проект интернационализации конфликтного регулирования в Приднестровье провалился, а его результатом явились история с «Меморандумом Козака» и усиление политической конфликтности.

Тем не менее, концепт европеизации продолжал жить, но в измененном виде: стали говорить уже не о европеизации конфликта, а европеизации «материнских государств» (parent states). Такая европеизация, как предполагается, должна способствовать росту привлекательности «материнских государств» (Молдовы, Грузии и Азербайджана) для жителей и элит непризнанных образований, которые в итоге готовы будут отказаться от своих квазигосударственных проектов, где социально-экономическая логика подчинена исключительно политическим резонам⁴. Таким образом, ЕС должен инвестировать ресурсы прежде всего в признанные государства и спонсировать всячески меры доверия между конфликтующими сторонами, что поможет снизить напряженность и создаст условия для реинтеграции.

---

¹ Popescu N. 'Outsourcing' de facto Statehood: Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova. CEPS Policy Brief. 2006. № 109.

² Kolsto P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // Journal of Peace Research. 2006. Vol. 43. № 6. P. 723–740.

³ Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон, Мишель Хейссен, Тамара Ковзиридзе, Гергана Нутчева, Натали Точки, Мариус Валь, с комментариями Нику Попеску, Гиа Нодиа: пер. с англ. М.: Весь мир, 2005.

⁴ Isachenko D. On the Political Economy of Unrecognized State-building Projects // The International Spectator. 2009. Vol. 44. № 4. P. 61–75.

Идея европеизации, в особенности Молдовы и Грузии, широко распространилась среди европейских политических и интеллектуальных элит и до сих пор остается крайне влиятельной¹. Хотя с кризисом программы «Восточное партнерство» в связи с политическими событиями в Украине, Молдове и Грузии привлекательность этой идеи постепенно падает.

Выделение де-факто государств в отдельный предмет исследования

Российско-грузинская война 2008 г. привела к резкому росту интереса к непризнанным образованиям на постсоветском пространстве. Причем факт того, что именно Грузия начала военные действия против Южной Осетии, усложнил картину реальности для европейских и американских наблюдателей. В США некоторые исследователи с позиций стратегического анализа пришли к выводу, что политика игнорирования или блокады непризнанных образований провалилась и привела к тому, что они постепенно превращаются в настоящие протектораты России. Поэтому целью новой стратегии вовлечения этих квазигосударственных образований должно стать их выведение из-под эксклюзивного влияния Москвы². Таким образом, в рамках данного анализа происходило резкое повышение исследовательского и политического статуса де-факто государств.

В исследованиях представителей европейских академических и экспертных кругов роль сыграли и другие соображения, прежде всего нормативного плана. Во-первых, нельзя было не заметить, что непризнанные государства не являются константами с точки зрения своих внутривнутриполитических процессов, и там могут происходить события, ведущие если не к демократизации, то, как минимум, к плюрализации политического поля. Особенно стоит выделить выборы в Абхазии 2004 г., в 2011 г. в Приднестровье и Южной Осетии. В случае с Приднестровьем это привело к значительной активизации переговорного процесса³, а также к постановке вопроса о том, насколько независимость вообще является самоценностью⁴. Причем эти выборы не просто были конкурентными, но прошли в условиях конфликта с Москвой. Это привело к возникновению логического вопроса: является ли международная признанность таким уж неотъемлемым условием для возникновения демократической политики⁵. За счет такого логического посыла была достигнута относительная нормализация образа де-факто государств.

Во-вторых, такая нормализация осуществилась и благодаря тому, что европейские наблюдатели ближе познакомились с непризнанными государствами. Например, в случае с Приднестровьем большую роль сыграла пограничная миссия ЕС на украинно-молдавской границе, которая не выявила серьезной контрабанды оружия, людей, наркотиков, о которой говорилось ранее. И в-третьих, де-факто государства показали себя как

---

¹ См., например, Secieru S. The Transnistrian conflict — new opportunities and old obstacles for trust building (2009–2010) // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2011. Vol. 11. № 3. P. 241–263; Kulminski V., Sieg H. M. Die Europaeisierung Moldovas — Eine Strategie zur Loesung des Transnistrienkonflikts // *Osteuropa*. 2009. № 5. S. 17–28.

² Cooley A., Mitchell L. Engagement without Recognition: A New Strategy toward Abkhazia and Eurasia's Unrecognized States // *The Washington Quarterly*. 2010. Vol. 33. P. 59–73.

³ Девятков А. Приднестровское урегулирование: год упущенных возможностей // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2012. Вып. 45. С. 7–10.

⁴ Девятков А. Поствыборное Приднестровье // *Общественная мысль Приднестровья* (научное издание Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко). 2012. № 1. С. 69–72.

⁵ Steinsdorff S., Fruhstorfer A. Post-Soviet de facto states in search of internal and external legitimacy // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. № 45. P. 117–121.

устойчивые образования, которые существуют и благодаря позитивным основаниям, в том числе пользуясь внутренней легитимностью.

В декабре 2010 г. на базе Гумбольдтовского университета, Германия, прошла конференция «Конфликт как инструмент внутривластной борьбы — Сепаратистские конфликты на постсоветском пространстве», которая одной из первых академических площадок дала старт переосмыслению феномена де-факто государств и признанию их в качестве отдельного предмета изучения. Результаты дискуссии затем появились в отдельном номере журнала «Communist and Post-Communist Studies» (2012, № 45). Еще одной такой площадкой стала коллективная монография под редакцией Н. Касперсен и Г. Стансфилда «Непризнанные государства в международной системе», вышедшая в 2011 г.¹ Де-факто государствам был посвящен также отдельный выпуск журнала «International Spectator» (2009, № 4).

Споры в международном исследовательском пространстве развязались прежде всего вокруг судьбы демократии в непризнанных государствах и вопроса о том, как ситуация международного непризнания влияет на развитие в них политического режима. Такие исследователи, как О. Процьк, продолжали настаивать, что даже если в непризнанных государствах происходят относительно свободные выборы, авторитарные практики государственного управления продолжают там доминировать и складывается гибридная форма политического режима². В случае с Приднестровьем Процьк также обратил внимание на то, что приднестровские молдаване дискриминируются в плане политического участия, что препятствует урегулированию конфликтов и развитию плюрализма в этой непризнанной республике³. Данная логика свободно проецировалась и на другие случаи де-факто государственности.

Другие исследователи более оптимистичны в отношении демократических перспектив де-факто государств. Так, норвежские исследователи П. Колсто и Х. Блаккисруд на примере Нагорного Карабаха отметили, что политический режим непризнанного государства может быть более инклюзивным, чем во многих признанных постсоветских государствах (прежде всего, в сравнении с Азербайджаном). В этом роль сыграли небольшой размер территории, этническая гомогенность и стремление руководства Карабаха добиться независимости за счет позиционирования себя как лидера в достижении мировых стандартов⁴. Н. Касперсен призвала даже в этой связи отказаться от классического образа де-факто государств как бандитских анклавов и использовать происходящие в них демократические процессы для достижения прогресса в конфликтном урегулировании, ведь демократически избранные лидеры более склонны избегать игр с нулевой суммой и пользуются в этом серьезной поддержкой населения⁵. Как бы заочно полемизируя с О. Процьком при анализе с приднестровского «кейса», П. Колсто и Х. Блаккисруд обратились к случаю Абхазии, где армяне также не наделены возможностью политического участия. Однако, по их мнению, исключение армян вызвано прежде всего

---

¹ Caspersen N., Stansfield G. (Eds.). *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge, 2011.

² Protsyk O. *Secession and hybrid regime politics in Transnistria* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. № 45. P. 175–182.

³ Protsyk O. *Representation and Democracy in Eurasia's Unrecognized States: The Case of Transnistria* // *Post-Soviet Affairs*. 2009. 25, 3. P. 257–281.

⁴ Kolsto P., Blakkisrud H. *De facto states and democracy: The case of Nagorno-Karabakh* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. № 45. P. 141–151.

⁵ Caspersen N. *Separatism and Democracy in the Caucasus* // *Survival*. 2008. Vol. 50. № 4. P. 113–136.

их самоисключением, так как якобы они сами, как «пришлые», не считают себя вправе предъявлять к абхазам каких-либо политических претензий¹.

Особое внимание было обращено на практики не только государственного строительства в де-факто государствах, но и на возникновение внутри них политических наций. Так, Х. Блаккисруд и П. Колсто отметили разный уровень успешности таких проектов, считая при этом, что вряд ли какая-либо часть элит непризнанных государств будет ставить их существование под сомнение. В этой ситуации статус-кво является самым приемлемым решением как для Приднестровья², так и для кавказских де-факто государств³. В понимание происходящих именно в Приднестровье процессов с точки зрения концепта «менеджмента идентичности» большой вклад внес немецкий исследователь Ш. Трөбст⁴.

Среди российских исследователей укрепилась близкая этой точка зрения. Так, С. Маркедонов писал о де-факто государствах: «во многих случаях, хотя далеко не всегда, мы имеем дело с внутренне устойчивыми образованиями, осуществляющими свою внутреннюю и внешнюю политику и пользующимися поддержкой граждан, чье волеизъявление хотя и не признается мировым сообществом, но в реальности существует»⁵. Исследователь призвал к дифференцированному подходу к де-факто государствам, отметив ограниченность формально-правового инструментария для определения их судьбы.

Тем не менее «нормализация» образа де-факто государств в исследовательском поле происходила вне зависимости от национальных рамок и носила транснациональный характер. Так, польский исследователь М. Косиенковски написал статью о том, как изменилась приднестровская внешняя политика после президентских выборов 2011 г. Тем самым, М. Косиенковски благодаря понятиям «внешняя политика» и «президентские выборы» фактически приравнял Приднестровье к государству в аналитическом плане и подробно охарактеризовал довольно-таки автономные и разнообразные в его представлении внешние отношения Тирасполя⁶. Польский исследователь отметил также способность приднестровского руководства пользоваться Интернетом (прежде всего, социальной сетью Facebook) в достижении как внутри-, так и внешнеполитических целей и в этой связи подверг критике Молдову⁷. Н. Касперсен также считает, что не стоит переоценивать влияние государств-патронов на непризнанные государства, которые

---

¹ Kolsto P., Blakkisrud H. Yielding to the sons of the soil: Abkhazian democracy and the marginalization of the Armenian vote // *Ethnic and Racial Studies*. 2012. P. 1–21.

² Blakkisrud H., Kolsto P. From Secessionist Conflict Toward a Functioning State: Processes of State- and Nation-Building in Transnistria // *Post-Soviet Affairs*, 2011. 27. 2. P. 178–210.

³ Blakkisrud H., Kolsto P. Dynamics of the de facto statehood: the South Caucasian de facto states between secession and sovereignty // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 281–298.

⁴ Troebst S. 'We are Transnistrians!': Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley // *Ab Imperio*. 2003. Vol. 1. P. 437–466; Troebst S. The Transdnestrian Moldovan Republic: From Conflict-Driven State-Building to State-Driven Nation-Building // *European Yearbook of Minority Issues*, Vol. 2. Leiden: Martinus Nijhoff, 2004.

⁵ Маркедонов С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства, Аналитические доклады Института Кавказа. 2012. № 5. / науч. ред. Александр Искандарян. Ереван: Институт Кавказа, 2012. С. 16.

⁶ Kosienkowski M. Continuity and Change in Transnistria's Foreign Policy after the 2011 Presidential elections. Lublin: The Catholic University of Lublin Publishing House, 2012.

⁷ Kosienkowski M. Transnistria's Model of Facebook Diplomacy. New Eastern Europe, 18.09.2012, <http://www.neweasterneurope.eu/node/432>.

изыскивают политические и экономические ресурсы, для того чтобы быть относительно автономными образованиями¹.

Динамика и разнообразие политических процессов, происходящих внутри непризнанных государств, были показаны и несколькими эмпирическими исследованиями с использованием количественных методик. Так, Дж. Ишияма и А. Батта на основе количественного сравнения выделили экономическое благополучие как один из ведущих факторов образования конкурентной политической системы в де-факто государствах (наряду с милитаризацией общества, уровнем этнической гомогенности и развитием политических институтов)². А эстонский исследователь Э. Берг включил одно из постсоветских непризнанных государств — Приднестровье — в свое исследование демократичности, легитимности и функциональности непризнанных образований в сравнении с «материнскими государствами»³. Э. Берг показал, что формальная признанность — это относительная категория, и де-факто государства на самом деле пользуются разной степенью признания со стороны международного сообщества — от квазипризнания (как в случае с Тайванем) до бойкота (как в случае с постсоветскими де-факто государствами)⁴.

Заключение

Итак, напрашивается вывод о том, что «наука» о де-факто государствах уже сложилась. Дискурсы о них носят транснациональный характер, отмечается разнообразие подходов к пониманию сущности этого феномена. Знакомство с де-факто государствами произошло как благодаря исследованию их формальных социально-экономических и институциональных показателей, так и благодаря личным поездкам исследователей и официальных лиц в Нагорный Карабах, Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье. Де-факто государства начинают постепенно признаваться как субъекты международной системы, в отношении которых международное сообщество должно выстраивать некоторую стратегию взаимодействия, если оно желает разрешить так называемые замороженные конфликты или достичь каких-то иных целей.

Как на научном, так и на политическом уровне явно заметен рост популярности идеи о вовлечении во взаимодействие непризнанных государств через развитие с ними позитивных контактов, выходящих за пределы проблематики конфликтного урегулирования. Так, несмотря на негативное отношение к непризнанным государствам как результатам нерешенных военно-политических конфликтов, Д. Бюман и Ч. Кинг отмечают, что «фантомные государства (как они называют де-факто государства. — А. Девятков) заслуживают того, чтобы быть исключенными из разряда несуразностей мирового порядка и быть признанными в качестве новых форм государственного строительства в эпоху глобализации, накладывающихся друг на друга суверенитетов и многослойной политической лояльности»⁵. Фактически американские исследователи видят в гражда-

¹ Caspersen N. Playing the Recognition Game: External Actors and De facto States // *The International Spectator*. 2009. Vol. 44. № 4. P. 47–60.

² Ishiyama J., Batta A. The emergence of dominant political party systems in unrecognized states // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. P. 123–130.

³ Berg E. Parent States versus Secessionist Entities: Measuring Political Legitimacy in Cyprus, Moldova and Bosnia&Hercegovina // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 7. P. 1271–1296.

⁴ Berg E., Toomla R. Forms of Normalisation in the Quest for De facto Statehood // *The International Spectator*. 2009. Vol. 44. № 4. P. 27–45.

⁵ Byman D., King C. The Mystery of Phantom States // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. № 3. P. 43–57.

нах и руководстве де-факто государств легитимных контрагентов международного сообщества для обеспечения региональной безопасности и развития.

А в феврале 2013 г. состоялся визит министров иностранных дел Польши и Швеции Р. Сикорского и К. Бильдта в Бендеры — формально для посещения Бендерской крепости и экспозиции, посвященной пребыванию в Молдове шведского короля Карла XII. Однако это был первый визит чиновников такого ранга в непризнанную республику, который не был никак связан с проблематикой конфликтного урегулирования. Международное сообщество явно вышло за пределы стратегии бойкота Приднестровья, в том числе отменив действовавшие в отношении руководства Тирасполя визовые санкции.

Возникает вопрос о том, в каком направлении могут пойти исследования де-факто государств в дальнейшем. На данный момент ощущается определенный тупик в плане постановки новых интересных исследовательских задач. Политически в урегулировании «замороженных конфликтов» и демократизации непризнанных государств также наблюдается скорее откат или застой, чем какой-либо прогресс. Скорее всего, и в будущем исследователи будут продолжать концентрироваться на таких вопросах: как можно определить феномен де-факто государств; насколько они устойчивы и в какой степени пользуются внутренней легитимностью; какой стратегии стоит придерживаться международному сообществу в отношении их. А интерес к де-факто государствам на постсоветском пространстве будет всегда зависеть от интереса к самому постсоветскому пространству. В связи с этим необходимо отметить, что на данный момент в странах ЕС и США наблюдается скорее падение этого интереса.

SUMMARY

In the article a critical review of existing (within international academic and expert community) approaches towards the phenomenon of de facto states in the post-soviet area is done. Political and normative contexts are identified, in which these approaches and concepts have arisen. Perspectives of this field of studies are also envisaged.